

Протянув руку...

...он нащупал выключатель.

Щёлкнул им.

— Щёлк! — зажглась лампочка.

Кален продолжил спускаться в подвал.

«Жуткие» ощущения чаще всего вызваны не реальными вещами, а плодами собственного воображения.

Вряд ли при отделке подвала дома Иммерлесов кто-то стремился создать гнетущую и мрачную атмосферу. Но даже если бы стены здесь были выкрашены в ярко-розовый цвет, ночное пребывание в помещении, где лежат два трупа, вряд ли показалось бы уютным или милым.

Плач не прекращался.

Доносился он из мастерской тёти Мэри.

Кален подошёл к двери. Она была не заперта... Да и какой смысл запирать мастерскую в похоронном бюро?

Кален остановился и, прежде чем взяться за ручку, обернулся.

Коридор позади него освещала тусклая лампочка, но лестница, ведущая на первый этаж, тонула во мраке.

Кален закрыл глаза.

Сделал глубокий вдох.

Ему так хотелось почувствовать аромат горячего молока, но обоняние подводило.

Вспомнив о собаке, Кален опустил глаза.

Золотистый ретривер, который так обрадовался, когда Кален впустил его в дом, не последовал за ним в подвал. Ну и ладно! Не такая уж это и потеря.

Кален протянул руку и взялся за дверную ручку.

В тот же миг Кален почувствовал, будто кто-то переключил канал. Странное, едва уловимое, но при этом очень явственное ощущение на миг окутало его.

И тут же плач в мастерской оборвался.

Кален снова обернулся. Лампочка в коридоре горела ровным светом.

— Щёлк... — провернул он ключ в замке.

Открыл дверь.

Мгновенно нашел рукой выключатель и щелкнул им.

— Щёлк! — вспыхнул свет.

Свет...

Яркий свет...

Ничто так не успокаивает, как он.

На двух столах в мастерской лежали тела Джеффа и мистера Мосанга.

Лицо Джеффа покрывал толстый слой косметики. «Красавчик!» — подумал Кален.

Он выглядел упитаннее, чем при жизни, волосы были аккуратно зачёсаны на прямой пробор и залиты гелем, отчего Джефф казался... необычайно бодрым. Пожалуй, даже при жизни он не был таким энергичным.

Мистер Мосанг выглядел куда «естественнее». Его не стали сильно гримировать, лишь слегка подкрасили, придав лицу умиротворённое выражение, словно старик просто заснул.

Тётя Мэри явно делала разницу между теми, за кого хорошо заплатили, и теми, кто не мог позволить себе роскошные похороны.

Впрочем, знай тётя Мэри о намерении детей Мосанга кремировать тело, старик сиял бы ярче молодого Джеффа.

Кален прошёл мимо Джеффа. Плач, который он слышал раньше, был старческим, а значит, его источником был не молодой Джефф, а мистер Мосанг.

Однако, подойдя к мистеру Мосангу, Кален не заметил ничего необычного. Старик мирно лежал на столе.

Кален придвинул к столу табурет на колёсиках, сел и закинул ноги на перекладину.

Слегка склонив голову набок, Кален неотрывно смотрел на мистера Мосанга.

Краем глаза он время от времени поглядывал на дверь и на коридор... особенно на лестницу, ведущую на первый этаж.

Прошло пятнадцать минут.

Вокруг стояла тишина.

— Эй, ты где? Покажись! Дай хоть какой-нибудь знак! — обратился Кален в пустоту.

Он вздохнул, собираясь уходить. Тёплая постель в такой поздний час манила куда сильнее.

Кален встал.

Проходя мимо мистера Мосанга, Кален заметил, что у того расстегнута пуговица на рубашке, и машинально потянулся, чтобы застегнуть её.

Но стоило его пальцам коснуться шеи старика...

... как у Калена закружилась голова.

Он словно надышался дыма. Ноги его подкосились, и Кален едва удержался на ногах, опершись о стену.

— Уууу... Ууууу... — снова слышались всхлипывания.

Кален поднял голову.

Мистер Мосанг по-прежнему лежал на столе.

Но в углу комнаты появилась неясная фигура. Сгорбившись, она сидела на полу и горько плакала.

Увидев это, Кален не закричал от ужаса. Он был готов к встрече с призраком. Более того, встреча с призраком была ему куда милее, чем её отсутствие.

Ведь в противном случае ему пришлось бы признать, что у него не все в порядке с головой.

Поэтому Кален был склонен считать, что сходит с ума не он, а весь мир вокруг.

— Мистер Мосанг? — обратился Кален к фигуре, съёжившейся в углу.

Но та, казалось, не слышала его. Не обращая на Калена никакого внимания, она продолжала всхлипывать.

Кален встал и направился к «мистеру Мосангу», но его «взгляд» и «реальность» словно разошлись. Кален шёл вперёд, но расстояние между ним и фигурой в углу не сокращалось.

Кален подошёл вплотную к стене, но «мистер Мосанг» по-прежнему сидел в дальнем углу.

«Встреча с призраком» не напугала Калена, а лишь разожгла в нём любопытство. «Неужели то, что я вижу, нереально?» — подумал он.

— Какая глупость! — тут же одёрнул себя Кален.

Он раскинул руки в стороны и сделал несколько шагов вбок.

Фигура «мистера Мосанга» переместилась вслед за ним. Точнее, не переместилась, а как бы скопировала движение Калена.

У Калена возникло ощущение, что у него на лбу закреплён проектор, который проецирует изображение на стену.

— Неужели это душа? — подумал Кален.

Он не мог сказать точно, что это за субстанция, поскольку расстояние между ним и фигурой оставалось неизменным.

Но тут у Калена возникла идея.

Поворачиваясь из стороны в сторону, он совместил плачущего «мистера Мосанга» с телом мистера Мосанга, лежащим на столе.

Кален и сам не понимал, зачем это делает, но ему казалось, что так и должно быть. Ведь призрак должен находиться рядом со своим телом? По крайней мере, стоило попробовать.

Когда оба «мистера Мосанга» совместились, фигура в углу перестала плакать. Она растерянно поднялась на ноги, а затем легла на тело старика.

Всё произошло очень быстро и плавно.

А в тот миг, когда обе сущности полностью слились, Кален почувствовал, будто чья-то рука сжала его мозг. Не лоб, не затылок, не кожу головы, а именно мозг. Сжала и потянула на себя.

— Агрх! — вскрикнул Кален, падая на колени. Хорошо ещё, что он успел упереться руками в пол, а не то пришлось бы ему поклониться в ноги мистеру Мосангу.

Кален чувствовал, как капли крови падают на бело-голубую плитку.

Из носа... снова пошла кровь.

Зажав нос рукой, Кален с трудом поднялся на ноги.

И в этот самый момент лежавший на столе мистер Мосанг сел.

Их движения были абсолютно синхронными. Беззвучно синхронными.

— Агрх! — простонал Кален.

Он понимал, что сам навлёк на себя беду, но вид ожившего трупа не мог не вселить в него ужас.

Но страх сменялся любопытством и... бурным восторгом.

Мистер Мосанг, не переставая двигаться, встал на колени. Глаза его были открыты, но смотрели невидящим взглядом. Зрачки были неестественного серого цвета.

— Прошу... Прошу тебя... Не сжигайте меня... Не сжигайте меня... Не предавайте моё тело огню... Не будет мне прощения... Не предавайте моё тело огню... Не будет мне прощения...

Кален сглотнул, глядя на мистера Мосанга, который молил его о пощаде, словно совершая религиозный обряд.

Тётя Мэри как-то рассказывала, что религия, которую исповедовал мистер Мосанг, запрещала кремацию. А для любого верующего нет ничего важнее рождения и смерти. Рождение знаменует собой вступление в лоно церкви, а смерть — не только конец земного пути, но и начало новой жизни. Жизни вечной.

Плач, который слышал Кален, был не чем иным, как выражением скорби и отчаяния мистера Мосанга.

— Мистер Мосанг! Мистер Мосанг! — позвал Кален.

— Прошу тебя... Не сжигайте меня... Прошу... Не сжигайте меня... — продолжал бормотать старик.

— Похоже, с ним невозможно поговорить, — подумал Кален. — Остались лишь инстинкты.

Или, выражаясь языком его прошлой жизни... одержимость.

Но как такое возможно?

Ни тётя Мэри с дядей Мэйсоном, ни Мина никогда не говорили о том, что тела могут вести себя подобным образом. То есть для обычных людей мир оставался прежним.

Но сначала Джефф, а теперь ещё и мистер Мосанг... Две странности подряд, связанные с погребальными обрядами, на навели Калена на мысль... нет, он был практически уверен, что причина кроется в нём самом. Что именно он является тем катализатором, который запускает этот процесс.

Но что это? Остаточное эхо прошлого «Калена» или же последствие его собственного «пробуждения»?

— Прошу тебя... Не сжигайте меня... Не сжигайте меня... Не сжигайте меня! Не сжигайте меня! Не сжигайте меня!! — бормотание мистера Мосанга становилось всё громче, плечи его затряслись, а в глазах, ещё недавно таких тусклых и безжизненных, проступили красные прожилки.

Воздух вокруг сгустился.

— Мистер Мосанг? — осторожно окликнул его Кален, отступая назад.

Всё началось очень странно, но дальнейшее развитие событий казалось вполне логичным. Ведь что должна делать ожившая мумия?

Но едва Кален обошёл стол, на котором лежал мистер Мосанг...

... как тот резко поднял голову.

— Так вы хотите... сжечь меня?!

Глаза старика налились кровью. Он рванулся вперёд.

Рванулся — это ещё мягко сказано. Его движения напоминали движения рыбы, выброшенной на берег. Казалось, у него отсутствует координация, но, несмотря на это, он двигался с невероятной скоростью.

— Бам! — Кален почувствовал сильный удар в спину и рухнул на пол.

Он тут же вскочил на ноги, но мистер Мосанг уже навалился на него всем телом, пытаясь схватить за горло.

Кален поднял колено, целясь в живот старика.

Но тело его ещё не окрепло после болезни. К тому же мистер Мосанг, казалось, весил сейчас куда больше, чем при жизни.

Кален не только не смог оттолкнуть старика, но и сам оказался прижатым к полу.

— Как вы посмели... сжечь меня!!! — взревел мистер Мосанг, разевая пасть.

— Хрясь! — раздался звук, словно кто-то ударил по дереву.

Кален почувствовал резкую боль в груди, но раны не было. Дело в том, что мистер Мосанг ещё при жизни потерял почти все зубы и носил вставную челюсть.

Поэтому укус старика не причинил Калену вреда.

Но вот руки мистера Мосанга уже сомкнулись на горле Калена. Старик обвил его руками и ногами, словно осьминог, не давая пошевелиться.

Кален попытался вырваться, но тщетно.

В отчаянии он огляделся по сторонам.

— Как вы посмели... сжечь меня! — неистовствовал мистер Мосанг.

— Щёлк! — раздался звук, похожий на удар металла о металл или на звон разбитого стекла.

Или это был щелчок?

Кален уже не мог разобрать. Но в его душе затеплилась надежда. «Спасён!» — подумал он.

Однако после этого щелчка мистер Мосанг пришёл в ещё большую ярость.

— Ааааааа!!! Жгите! Жгите меня!! Жгите!!!

Руки старика сжали горло Калена с нечеловеческой силой. Кален чувствовал, как кости его вот-вот треснут.

Он ощущал себя сосиской, которую с двух сторон тянут в разные стороны, ожидая, пока она лопнет.

— Как вы посмели... сжечь меня! — ревел старик.

— Как... меня! — слова давались ему всё труднее.

— Как...

— Сжечь...

И вдруг мистер Мосанг затих и обмяк.

Кален закашлялся, жадно хватая ртом воздух. Воздух в подвале был спертым, но сейчас он казался таким свежим.

И это были не просто слова. У Калена перехватило дыхание, из горла шла кровь. Нос был разбит, и кровь заливала рот.

Кален оттолкнул от себя тело старика и, опираясь на руки, медленно поднялся. Добравшись до стены, он привалился к ней спиной.

Повернул голову.

Ещё раз посмотрел на дверь.

Коридор был по-прежнему погружён во мрак. Лишь вдалеке тускло мерцала лампочка.

Кален прижал ладони к лицу.

Немного придя в себя, он несколько раз легонько стукнул себя по лбу окровавленной рукой.

— Ха-ха-ха... — нервный смех вырвался из его груди.

Сделав глубокий вдох, Кален выругался на чистом китайском — языке, которого не существовало в этом мире:

— Чёртовы ублюдки! Что это за грёбанный мир?!

...

На лестнице, ведущей из подвала на первый этаж, стоял Дик. Рядом с ним, на нижней ступеньке, сидела чёрная кошка Пуар.

Дик повернулся к кошке.

— Это был язык демонов? — спросил он.

Чёрная кошка подняла голову и посмотрела на Дика. И тут...

— Я прожила на свете двести лет, — раздался женский голос, — но ни разу не слышала, чтобы демоны... изобретали собственные языки.

— Тем более столь... сложные и запутанные, — добавила Пуар.

<http://tl.rulate.ru/book/77240/4262210>